

НАША

МЫСЛЬ

Основана товариществом на вѣрѣ „Сибирская Мысль“.

1-й годъ изданія.

Иркутскъ. Воскресенье 24-го апрѣля 1911 г.

Газета общественная, политико-экономическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Цѣна объявленій:

Внутри Имперіи . . .

За границу . . .

Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
7 р.	4 р.	2 р.	75 к.
12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 50 к.

Цѣна номера въ розничн. продажѣ 5 коп.

За строку пята впереди текста—20 к., позади—10 к.

Годовыя и мѣсячн. объявленія по соглашенію съ конторой.

Ищущимъ труда дѣлается большая уступка.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Розень по Пестеревской ул.

Редакція для переговоровъ открыта съ 10 час. утра до 3 час. дня; контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера. Объявленія послѣ 6 час. вечера могутъ быть приняты въ типографію Макушина и Посохина, Большая ул.

Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются въ конторахъ: Торговаго Дома „Л и Э. Метель и К.“ (Москва, Мясницкая, д. Сытина, Варшавы, Маршалковская, 130 и Петербурга, С. Морская, 11); Гольдина Н. П. (Москва, Тверская, д. Бахрушина); Х. Б. Гривъ и Сынъ (Вильна, Большая, 60).

III
№1

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

(Вместо рецензии).

„Достоевский, это—единственный психолог, у которого в жогь кой-чему научиться; знакомство с ним и причисляю къ прекраснѣйшимъ удачамъ моей жизни“.

Фр. Ницше.

Чувствовать гения—значитъ зажечь въ себѣ самую тоть одну искру гениальности, хоть на одну минуту стать безумнымъ и соприкоснуться съ великимъ страданіемъ исключительной души.

Стать на одну минуту гениемъ. Ибо въ каждой душѣ, даже обыденно-пошлой, мелко-довольной сонной душѣ обывателя подъ толстымъ слоемъ равнодушія таятся искры стремленій и идеаловъ. А когда эти искры подъ влияніемъ пылающей души вдохновеннато художника загорятся ярче и давнее звуки играющей лиры навадутъ откликъ въ душѣ, вытѣснятъ изъ нея все будничное, все обыденное, когда сердце забьется сильнее и чаще, когда обыватель освободится отъ своей оболочки и на одну минуту душой будетъ вмѣстѣ съ гениемъ,—онъ самъ станетъ имъ, самъ будетъ горѣть огнемъ вдохновенія. Правда, отзвукъ чужой гениальности, но все-таки отзвукъ уносимый въ миръ красоты и страданій, заражающій, вдохновляющій.

И чѣмъ грубѣе душа, тѣмъ сильнѣе должна быть художникъ, чтобы поднять до себя, раздуть тлѣющія искры. Достоевскій же настолько большой гений, что даже самую косную обывательскую душу сможетъ поднять на невѣроятную высоту.

Настолько гениаленъ, что даже безжалостный и дурного тона крокетель Дмитріевъ, вшестевруя великій романъ и дѣлаи все возможное для изуродованія его, все-таки не смогъ задуть окончательно тѣ искры гения, которыя ярко горятъ и свѣтятся даже въ передѣлкѣ г-на Дмитріева.

Конечно, тутъ много сдѣлалъ талантъ Орленева, но онъ былъ бы безсиленъ въ какой-нибудь подобной уродливой передѣлкѣ тоть бы Толстого.

Здѣсь же артистъ былъ на одной изъ своихъ великихъ высотъ творчества.

Двѣ самыя высокія вершины въ немъ, это „Федоръ Ивановичъ“ и „Дмитрій Карамазовъ“.

И трудно, почти невозможно, да и неза-

чѣтъ, подходить съ критикой къ этимъ высотамъ творчества. Поэтому я отказался отъ критики „Федора“ и пишу о „Карамазовѣ“, чтобы только передать свое впечатлѣніе, чувства и мысли.

Да и не пойметъ тоть Карамазова—Орленева, кто будетъ судить только по внѣшнимъ признакамъ игры о душевныхъ состояніяхъ героя. Ихъ надо чувствовать, переживать.

Въ первой сценѣ передѣлки, какъ и во всѣхъ, кромѣ послѣдней, главнымъ лицомъ является Дмитрій Карамазовъ (Орленевъ). Передъ своимъ чуткимъ и прозорливымъ братомъ Алешей исповѣдывается онъ въ грѣхѣхъ своего „горячаго сердца“, раскрываетъ его язвы съ какою-то сладострастіемъ, съ жестокой правдой и искренностью.

Орленевъ—Карамазовъ заставилъ почувствовать могучую силу души своей, необыкновенную, даровитую и великую силу русскаго человека великой Россіи, въ которой всѣ лучшіе люди гибнутъ ненормально, незаконно и безвозвратно. Въ которой почти всѣ лучшіе люди—убійцы, воры, каторжники и развратники.

Эту ужасную правду Достоевскаго артистъ съ такой силой дированія выразилъ въ Дмитріи, что не презрѣніе и жалость вызывалъ его образъ, а скорѣе благоговѣніе, оправданіе всѣхъ его пороковъ и желаніе учиться у этого безобразнаго, вилтожаго, неузнаваго, но страдающаго человека. Страшное бремя его ужасаетъ и восхищаетъ. Ужасаетъ его ординарность внѣшности, всѣ свойства грубаго русскаго богатыря, но восхищаетъ бездна зла и добра, великое страданіе, которымъ искупаетъ онъ чужую вину, наследіе своего отца, сладострастное „насъкомое“ карамазовщины.

И съ какою трепетомъ, съ какою громаднымъ напряженіемъ провела эту сцену исповѣди Дмитрія Орленевъ!

То было истинно герой Достоевскаго, вѣрный до ужаса, прекрасный до восхищенія!

То было истинное творчество, достойное

гармонировать съ творчествомъ великаго писателя.

Вторая сцена „за коньячкомъ“ прошла сравнительно блѣдно и неудачно. Ибо Дмитрій врывается въ домъ своего отца на одну только минуту, чтобы удостовериться въ отсутствіи Грушеньки.

Главные же исполнители этой сцены: г. Шаховской (отецъ Карамазовъ), г. Лировъ (Иванъ Карамазовъ) и г. Поляновъ (Алеша) совершенно не соответствовали своимъ ролямъ, а были болынымъ, досаднымъ пятномъ всего спектакля. Поэтому объ этой сценѣ, которую слѣдовало совершенно выбросить изъ пьесы, такъ она какъ мало связана съ другими, говорить не буду.

Замѣчу только, что то поганое хихиканіе, которое вложилъ въ уста Федора Карамазова г. Шаховской, еще не исчерпываетъ всей гадости сиротной натуры радоначальника Карамазовыхъ. Да и хихиканіе было дѣланое, фальшивое.

Третья картина „У Грушеньки“ тоже мало представляетъ интереса, ибо слишкомъ скромна она и проходитъ почти безъ участія Орленева.

Исполнительница же Грушеньки г-жа Королева, бывшая рядомъ съ другими безважными исполнителями въ общемъ довольно сносно, все-таки не дала обр. за блѣдой русской красавицы, которая вся—порывъ, вся—загадка, влекущая и отталкивающая.

Слишкомъ незначительна, посредственна вышла Грушенька у артистки.

Не было огромной русской души, надрица, глубокаго, больнаго.

Яркій образъ Достоевскаго пропалъ совершенно въ тускломъ исполненіи.

Не было Грушеньки.

Далѣе идутъ три картины, вмѣстѣ съ первой составляющіе главный интересъ всей пьесы.

Въ сценѣ кутежа въ селѣ Мокромъ Орленевъ своей фигурой Дмитрія заслонилъ всѣхъ и всецѣло приковалъ вниманіе и чувства, дошедшія въ слѣдующей картинѣ допроса до крайняго своего предѣла.

Захватывающее нарастаніе драмы Дмитрія—Орленева такъ захватило напрягло всѣ нервы и чувства, что послѣ вырвавшихся изъ глубины души Дмитрія—Орленева изумительной интонаціи и силы словъ: „Неповиненъ! Неповиненъ!“ занавѣсъ является вполнѣ во-время, ибо трудно было

ручаться за потрясенные нервы и взволнованныя чувства.

Впечатлѣніе огромное, потрясающее!

Уже въ этой картинѣ, глядя на слѣдующаго съ героемъ Достоевскаго артиста можно съ увѣренностью сказать, что Дмитрій не виновенъ въ убійствѣ отца и не страдаетъ напрасно.

Картина допроса это—апогей артиста. Бура страстей, обиды, горя, доброты, самоотверженія, простоты и даже веселости сердца, этого великаго, горячаго сердца, могущаго улыбаться въ такіе минуты,—такъ были захватывающе переданы артистомъ, что вѣтъ словъ описать ихъ.

Это неподдѣльный крикъ души, неподдѣльное страданіе, воплощеніе и сліяніе съ ролью, неразрывность исполнителя отъ исполняемой роли.

Когда подъ перекрестнымъ допросомъ прокурора и слѣдователя Дмитрій-Орленевъ узнаетъ, что Григорій Васильевичъ, слуга, котораго въ невѣжествѣ онъ ударилъ пестикомъ по головѣ, перелѣзая черезъ заборъ, живъ, то неподдѣльный вздохъ облегченія вырывается изъ груди артиста. Еще Раскольниковъ погибъ отъ тяжести пролитой имъ крови, и натура Дмитрія также не вынесла бы этой тяжести. И какъ-то дѣлается самому легко и даже радостно при чтеніи романа въ этомъ мѣстѣ, чувствуешь, что Дмитрій спасся отъ страшнаго суда своей совѣсти, а судъ законный его не страшитъ. Ибо судъ совѣсти у всѣхъ героевъ Достоевскаго, это—краеугольный камень огромныхъ страданій и часто гибели.

Не могу не отиѣтитъ игры г. Полянова, очень вышукло и характерно игравшаго слѣдователя, много сдѣлавшаго и помогащаго Орленеву въ этой отиѣтственной роли, за которую ему можно даже простить блѣдность образа Алеши, исполнявшагося этимъ же артистомъ.

Довольно блѣдный и неинтересный образъ получился въ этой сценѣ у г-жи Королевой (Грушенька). Лукавая, разгульная и даже жестокая Грушенька, только при допросѣ узнающая, что она любитъ Дмитрія глубоко и готова раздѣлать съ нимъ всѣ предостоянія ему испытанія и наказанія, получила у артистки просто страдающей женщиной, скорѣе любящей женой, чѣмъ страстной любовницей и постыдочно-сложной натурой широкаго разгула, глубокаго страданія и великаго сердца русскаго

женщины, которую съ такой любовью и мастерствомъ рисовалъ Достоевскій.

Не было Грушеньки въ этой центральной сценѣ, какъ не было ея и во всей пьесѣ.

Послѣдняя сцена „у Смердякова“ является какъ бы эпилогомъ передѣлки.

Когда мнѣ пришлось впервые читать романъ, то, подойди къ тому захватывающему безраздѣльно мѣсту, гдѣ исторія убійства Федора Карамазова страшно запутывается у меня сразу же явилось подозрѣніе на Ивана Карамазова, какъ на убійцу своего отца. И странно, что неопровержимыя доказательства невиновности его какъ-то не успокаивали, а еще болѣе утверждали въ подозрѣніи. Мнѣ кажется это испытываетъ каждый при чтеніи романа. Чувствуешь, что главный и единственный убійца отца, это—Иванъ. Больше никому. И дѣйствительно, послѣ неизбежныхъ размышленій при чтеніи дальнѣйшаго и изъ спены со Смердяковымъ въ эгомъ убѣждаешься совершенно.

Мы знаемъ мировоззреніе Ивана Карамазова, его взгляды на пролитіе крови, хотя бы даже отцовской.

У меня къ сожалѣнію нѣтъ подъ рукой Достоевскаго, чтобы привести слова самого Ивана въ доказательство его виновности. Но я приведу слова Разумихина („Преступ. и наказан.“) Раскольникову, взгляды котораго почти тождественны со взглядами Ивана (Иванъ и Раскольниковъ это почти одинъ образъ у Достоевскаго). Разумихинъ возражаетъ Раскольникову на его статью, ставшую впоследствии косвенной уликой для слѣдователя противъ Раскольникова:

...что дѣйствительно оригинально во всемъ этомъ (то-есть въ статьѣ Раскольникова) и принадлежитъ одному тебѣ, къ моему ужасу, это то, что ты все-таки кровь по совѣсти разрѣшаешь и, извини меня, съ такимъ фанатизмомъ даже... Вѣдь это разрѣшеніе крови по совѣсти, это... это, по моему страшнѣе, чѣмъ официальное разрѣшеніе крови проливать, законное... Да дѣйствительно страшнѣе, чѣмъ законное, и болѣе кошмарно, чѣмъ невольное убійство Григорія Васильевича Дмитрія.

Иванъ также разрѣшаетъ все. „Все дозволено“—его принципъ.

— „Вы убивецъ, говоритъ Смердяковъ Ивану, вы главный убивецъ и есть, а я

только вашнмъ прислѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ“.

Своимъ принципомъ „Все дозволено“ Иванъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ“—Смердякова.

Пропитавшись философией сверхчеловѣка, своего господина и полубога-Ивана Карамазова, Смердяковъ сталъ его „прислѣшникомъ“, „вѣрнымъ слугой Личардой“ и по слову Ивана, разрѣшавшему въ теоріи убійство, воплотилъ эту теорію въ дѣйствительность. Но умный и пошлый Смердяковъ понималъ только одну сторону души Ивана. Ту сторону, о которой Иванъ говорилъ своему призракъ—чорту:

— „Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду. Ты ложь, ты болѣзнь моя, ты призракъ. Я только не знаю, чѣмъ тебя истребить...“

Ты моя галлюцинація. Ты воплощеніе меня самого, только одной, впрочемъ, моей стороны—моихъ мыслей и чувствъ, только „самыхъ гадкихъ и глупыхъ“...

И дѣйствительно, Смердяковъ—братъ по крови Ивану отъ Елизаветы Смердящей, въ то же время пошлая часть его души.

Иванъ знаетъ, что убійца Смердяковъ. Но онъ еще не чувствуетъ своей вины. И какой ужасъ овладѣваетъ имъ, когда лакей оправдываетъ убійство его же теоріей „все дозволено“.

— „Вы убивецъ!“ шепчетъ лакей, эта безсмертная пошлость души Ивана, воплотившаяся въ Смердякова. И страшно Ивану видѣть глубину пошлости своей души, ея принциповъ. Страшно видѣть своего, прислѣшника“, „своего Личарду вѣрнаго“.

— „Знаешь что, говоритъ Иванъ Смердякову, я боюсь, что ты сонъ, что ты призракъ передо мной сидишь“.

— „Никакого тутъ призрака нѣтъ-съ, отвѣчаетъ ему Смердяковъ, кромѣ насъ обоихъ-съ, да еще нѣкотораго третьяго. Безъ сумасленія, тутъ онъ теперь, третій этотъ находится между нами двумя“.

— „Кто онъ? Кто находится? Кто третій?—искушая проговорилъ Иванъ, озираясь кругомъ и поспѣшно ища глазами кого-то по всѣмъ угламъ“.

Этотъ третій между нами—Богъ. Для Ивана—совѣсть, для Смердякова—чортъ пошлости.

Чортъ и совѣсть—двѣ личины Бога, стоявшаго между ними.

Смердяковъ не вынесъ чорта, полученнаго отъ Ивана. Слишкомъ низерна и мелко-пошла была его душонка, душонка лакея Смердякова, для великаго чорта пошлости Ивана Карамазова.

Съ удовольствіемъ отиѣчаю хорощую игру г. Вронскаго, довольно вѣрно воплотившаго трагедію лакея по духу—Смердякова, взвалившаго не по силамъ на свои плечи непосильный принципъ Ивана „все дозволено“. Его сиротность, гадость и пошлость.

Безнадёжно плохо былъ г. Лировъ въ роли Ивана Карамазова. Но благодаря г. Вронскому сцена съ Иваномъ прошла потрясающе.

Но все-таки центръ былъ въ предѣлѣнной картинѣ, когда послѣ допроса ушелъ Дмитрій Орленевъ, единственно сильнаго таланта слившійся съ глубокимъ пониманіемъ Достоевскаго, вдохновенный горбнѣемъ духа великаго писателя, выскрѣшившій и воплотившій жуткій человѣческій образъ Дмитрія, воплощеніемъ и глубиной котораго привелъ въ высокую степень нервнаго напряженія, заставилъ тащ много пережить, перечувствовать вмѣстѣ съ собой, потрясенный и раздавившій хаосомъ чувствъ, болѣе шумно-яркимъ званъ человѣческимъ, глубокимъ вѣчно неразрѣшимымъ вопросомъ.

То было истинное вдохновеніе и искусство, то была истинная храбрость, гдѣ всѣ до обывателей, а судья потрясенныя вознесенные на высоту жутко прекраснаго страданія, очищенныя или истинныя на одну минуту соприкоснувшійся съ гонимъ и горбнѣемъ артиста, съ заблѣвшими сердцами, приподнятыми нервами и горбнѣющими искрами вдохновенія, порывающагося душой и жизнью.

То были истинные люди, то были истинныя страданія, слившіяся въ одно цѣлое—одина прекрасная отзвукъ гениальному писателю и великому страданцу.

Мил. Павловичъ.

не...
же...
суд...
нов...
ку...
встр...
не то...
и ому...
содер...
испол...
своихъ...
постав...
къ шко...
школѣ...
Изъ сре...
годовъ...
китъ об...
мнѣ об...
Еще въ...
нѣтъ ни...
дѣлаетъ...
дѣлѣ въ...
не должно...
канцеляр...
Историк...
до г. Гей...
въ души...
городской...
Большин...
содержатъ...